

КЛАССИКА И ДЕТЕКТИВА

Ниро Вулф возвышается
над своими противниками
подобно башне...
Это необыкновенная
личность, созданная
воображением писателя.

New Yorker

· ВСЕ · РАССЛЕДОВАНИЯ · НИРО · ВУЛФА ·

РЕКС СТАУТ

Где Цезарь
кровью
истекал...

Ниро Вульф

Рекс Стаут

Где Цезарь кровью истекал...

«Азбука-Аттикус»

1939

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Стаут Р. Т.

Где Цезарь кровью истекал... / Р. Т. Стаут — «Азбука-Аттикус»,
1939 — (Ниро Вульф)

ISBN 978-5-389-18533-3

Ниро Вулф, страстный коллекционер орхидей, большой гурман, любитель пива и великий сыщик, практически никогда не выходит из дому. Все преступления он распутывает на основе тех фактов, которые собирает Арчи Гудвин, его обаятельный, ироничный помощник с отличной памятью. Еще одно дело, которое Вулф расследует вне дома. Страсти разгораются вокруг бесценного племенного быка. Происходят два убийства подряд, в одном подозревается бык, во втором – Арчи Гудвин...

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-18533-3

© Стаут Р. Т., 1939
© Азбука-Аттикус, 1939

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	28
Глава 5	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Рекс Стаут

Где Цезарь кровью истекал...

Rex Stout

SOME BURIED CAESAR

Copyright © 1939 by Rex Stout

All rights reserved

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK
and The Van Lear Agency

© А. В. Санин, перевод, 2020

© Ю. А. Смирнов (наследник), перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа

„Азбука-Аттикус“, 2020

Издательство Иностранка®

* * *

*«Скажи, где розы цвет еще так ал,
Как там, где Цезарь кровью истекал?»¹*

¹ Из поэмы «Рубайят Омара» Эдварда Фицджеральда. Перевод О. Румера. *Здесь и далее примеч. перев.*

Глава 1

Этот солнечный сентябрьский день оказался полон неожиданностей. Первая из них случилась сразу после столкновения с деревом, когда я, мгновенно оценив обстановку и сообразив, что машина не перевернулась вверх тормашками, а все стекла целы, выключил зажигание и обернулся.

Я, конечно, не ожидал увидеть его на полу, так как во время езды он всегда сидел в напряженной позе, судорожно вцепившись в поручень, но был уверен, что мне предстоит выдержать его взгляд, преисполненный дикой ярости. Вообразите мое изумление, когда вместо этого я увидел, что он как ни в чем не бывало восседает на месте и его круглое лицо выражает лишь облегчение, я бы даже сказал, умиротворенность. А уж кому, как не мне, знать выражение лица Ниро Вулфа. Я застыл от изумления.

– Слава богу, – прошептал он.

– Что? – встрепнулся я.

– Я сказал: «Слава богу». – Вулф отстегнул ремни и погрозил мне пальцем. – Это случилось, а мы целы. Ты ведь знаешь: я терпеть не могу автомобили. Я глубоко убежден, что они только делают вид, будто подчиняются управлению, но рано или поздно непременно поведут себя согласно собственным прихотям. Так оно и вышло. Но мы уцелели. Слава богу, что на этот раз прихоть не оказалась смертоносной.

– Какая там, к черту, прихоть! Знаете, что случилось?

– Я сказал – прихоть. Отправляйся!

– В каком смысле «отправляйся»?

– Я имею в виду – поехали дальше. Заводи эту чертову машину!

Я открыл дверцу, выбрался наружу и проковылял вперед – посмотреть, что произошло. Налюбовавшись зрелищем, которое предстало передо мной, и обойдя вокруг, я распахнул заднюю дверцу и доложил:

– Хорошенькая прихоть! Пожалуй, надо записать этот случай – впервые за девять лет, что я вожу ваши машины, мне пришлось остановиться не по собственному желанию. Вчера колесо было в полном порядке. Его или прокололи в гараже прошлой ночью, или я сам это сделал, хотя последнее маловероятно. Во всяком случае, когда лопнула шина, мы ехали со скоростью пятьдесят пять миль. Машина съехала с дороги, но не потеряла управления, и я уже успел притормозить и стал выворачивать руль, как тут подвернулось это чертово дерево. А теперь вот бампер сплюснен, капот помят и радиатор течет...

– Сколько тебе понадобится времени на ремонт?

– Нисколько. Легче восстановить Помпею.

– Кто же отремонтирует машину?

– Механики в гараже.

– Но ведь мы не в гараже.

Вулф закрыл глаза и откинулся на спинку сиденья. Спустя несколько мгновений он открыл их и со вздохом спросил:

– Где мы?

– В двухстах тридцати семи милях к северо-востоку от Таймс-сквер. В восемнадцати милях к юго-западу от Кроуфилда, где ежегодно проходит Североатлантическая ярмарка, которая открывается во второй понедельник сентября и продолжается...

– Арчи, перестань паясничать! – Он посмотрел на меня с упреком. – Что нам теперь делать?

Признаться, я был растроган. Сам Ниро Вулф спрашивал меня, что нам делать!

– Не знаю, как вы, – сказал я, – но я собираюсь покончить жизнь самоубийством. На днях я вычитал в газете, что японцы всегда так поступают, когда подводят своего императора. А чем я хуже какого-нибудь японца? У них это называется сеппуку. Не харакири, как некоторые думают, – так в Японии говорят крайне редко, – а именно сеппуку.

– Что же нам теперь делать? – терпеливо повторил Ниро Вулф.

– Остановим попутную машину и попросим подвезти. Желательно до Кроуфилда, где для нас забронирован номер в отеле.

– Ты поведешь ее?

– Кого?

– Машину, которую мы остановим.

– Я не уверен, что кто-нибудь в здравом уме доверит мне свою машину, увидев, что случилось с нашей.

Вулф поджал губы:

– Я не поеду с незнакомым водителем.

– Тогда я один доеду до Кроуфилда, возьму напрокат машину и вернусь за вами.

– Нет. Это займет добрых два часа.

Я пожал плечами:

– По дороге, примерно в миле позади нас, я за приметил какой-то дом. Могу прогуляться туда и позвонить в Кроуфилд, чтобы за вами приехали.

– А я останусь в полном одиночестве в этом обездвиженном монстре?

– Совершенно верно.

Он отрицательно покачал головой:

– Ни за что!

– Вы не согласны?

– Нет.

Я отошел в сторонку, чтобы окинуть взглядом окрестности. Стоял прекрасный сентябрьский день, и залитые солнцем живописные холмы и ложбины северной части штата Нью-Йорк умиротворяли взор. По дороге, с тех пор как я съехал с нее и врезался в дерево, не прошла еще ни одна машина. Впереди, ярдах в ста, дорога сворачивала и исчезала за деревьями. Дом, который мы миновали, виден не был. Вдоль пологого луга, насколько хватало глаз, тянулся белый дощатый забор, а за ним – зеленое пастбище. За пастбищем, между деревьями, виднелась крыша какого-то здания. Никакой дороги туда не было видно, и я решил, что она должна находиться впереди, за поворотом.

На оклик Вулфа, желавшего узнать, где меня черти носят, я вернулся к машине.

– Гаража обнаружить не удалось, – отрапортовал я, – но вон там, среди высоких деревьев, стоит дом. По дороге до него не меньше мили, но если пойти напрямик через пастбище, то можно выгадать ярдов шестьсот. Если вам страшно сидеть одному в машине, то остаться могу я – я вооружен. А вы можете пойти и поискать телефон. Этот дом ближайший от нас.

Издалека донесся собачий лай.

Вулф взглянул на меня:

– Там же собака!

– Вы угадали, сэр.

– Возможно, она из этого дома. Я не склонен сражаться со спущенным с цепи псом. Мы отправимся вдвоем. Только через забор я не полезу.

– Вам и не придется. Чуть подалее я за приметил ворота.

Ниро Вулф тяжело вздохнул и нагнулся посмотреть на корзины, одна из которых стояла на полу, а вторая – на сиденье машины. В них были горшочки с орхидеями. Убедившись, что от прихоти машины цветы не пострадали, Вулф начал вылезать из автомобиля, и я посторонился, чтобы освободить пространство, которого ему требовалось не так мало. Выбравшись на волю,

Вулф потянулся, едва не проткнув своей тростью небо, хмуро обвел взглядом окрестности и последовал за мной по направлению к воротам.

Мы уже вышли на пастбище, и я закрывал за собой ворота, когда издали послышались крики. Посмотрев через все пастбище в направлении дома, я разглядел какого-то типа, сидевшего верхом на заборе. Он орал, чтобы мы уходили. На таком расстоянии я не мог с уверенностью судить, что у него в руках – дробовик или винтовка. Он еще не целился в нас, но уже по меньшей мере грозил, потрясая оружием. Пока я закрывал ворота, Вулф успел уйти вперед. Я подбежал и схватил его за рукав:

– Стойте! Если там сумасшедший дом, а перед нами один из его обитателей, то он может принять нас за сурков или диких индеек и...

Вулф возмущенно фыркнул:

– Это просто какой-то болван. Мы же находимся на коровьем выгоне.

Будучи истинным детективом, он поспешил представить вещественные доказательства, для чего ткнул тростью в округлую коричневую лепешку у наших ног. Метнув свирепый взгляд в сторону сидевшего на заборе психа, изрыгавшего угрозы, громко прорычал: «Заткнись!» – и решительно двинулся вперед. Я припустил за ним. Парень продолжал истошно вопить и размахивать оружием. Мне это нравилось все меньше и меньше, потому что я наконец разглядел в руках беснующегося психа дробовик, который вполне мог попортить наши шкуры.

Посреди пастбища торчал здоровенный валун, и мы уже поравнялись с ним, когда случилась еще одна неожиданность из упомянутой мной серии.

Я полностью сосредоточился на загадочных действиях вооруженного олуха, торчавшего на своем насесте и орущего пуще прежнего, как вдруг почувствовал, что пальцы Ниро Вулфа сжали мой локоть, и тут же прозвучала его команда:

– Стой! Не шевелись!

Я замер как вкопанный, решив было, что он раскусил психологию идиота на заборе, но Вулф, не поворачиваясь, процедил сквозь зубы:

– Не двигайся! Медленно, очень медленно поверни голову направо.

В первую секунду я подумал, что Вулф подцепил что-то заразное от типа с луженой глоткой, но тем не менее поступил, как было приказано. Тут-то меня и ждал второй сюрприз. Справа, футах в двухстах, я увидел громадного быка – раньше я ни за что не поверил бы, что быки могут достигать таких колоссальных размеров. Темно-красный, с белыми пятнами и большим белым треугольником на морде, бык неторопливо и уверенно приближался к нам, время от времени тряся головой, то ли потому, что нервничал, то ли пытаясь отогнать назойливых мух. Внезапно он замер на месте и, вытянув шею, уставился на нас.

Сзади послышался приглушенный голос Вулфа:

– Хотя бы тот болван перестал орать. Тебе что-нибудь известно о повадках быков? Ты бывал на корриде?

Я пошевелил губами ровно настолько, чтобы выдавить:

– Нет, сэр.

– Стой спокойно, – пробормотал Вулф. – Ты шевельнул пальцем, и у быка тут же напряглась шея. Ты быстро бегаешь?

– Думаю, до забора добежать успею. Но вам это не удастся.

– Я и сам знаю. Вот лет двадцать назад я занимался спортом... Так, он уже роет землю копытами. И голову пригнул. Если он на нас ринется... И еще эти чертовы вопли. Начинай потихоньку пятиться. Смотри прямо на него. Он должен последовать за тобой. Когда только он бросится – поворачивайся и беги к забору.

Я так и не успел последовать этим наставлениям. Ни я, ни Вулф не двигались с места, поэтому, наверное, быка раздражил наш приятель на заборе. Может быть, он даже спрыгнул на землю. Как бы то ни было, бык напряг шею и бросился в атаку. Даже если мишенью служил

тот чокнутый, нас это не спасало, так как, на свою беду, мы находились как раз посередине между ним и быком. Бык надвигался на нас, как таран. Возможно, стой мы спокойно, он бы проскочил футах в трех правее, но кто способен на подобный подвиг, когда на него во весь опор несется разъяренное чудовище? Сейчас я склонен придерживаться версии, что решил тогда своим поспешным отступлением отвлечь быка от Ниро Вулфа, но разве кто-нибудь в состоянии оценить столь благородный жест по достоинству? Я слышал за спиной топот копыт. Готов поклясться, что ощущал на спине горячее дыхание. В то же время я смутно сознавал, что впереди кто-то кричит, а над забором – там, где я рассчитывал через него перемахнуть, – маячит красное пятно. Вот и забор! Не замедляя бега, я с ходу взлетел на него, но в то самое мгновение, когда мое тело уже взмывало в воздух, чтобы грациозно перелететь на другую сторону, одна рука вдруг сорвалась, и я позорно плюхнулся плашмя на спину. Я с трудом сел, тяжело отдуваясь, и тут услышал прямо над собой нежный голос:

– Восхитительно! Какое счастье, что я не упустила такое зрелище!

Я поднял глаза и увидел двух девушек. Одна была в белом платье и красном жакете, другая – в желтой кофточке и брюках.

– Прикажете повторить на бис? – прорычал я.

Идиот с дробовиком вприпрыжку бежал ко мне, что-то несвязно выкрикивая. Я приказал ему заткнуться, с трудом поднялся, прохромал к забору – приземляясь, я сильно ушиб колено – и заглянул через него. Бык прогуливался ярдах в ста от меня, время от времени мотая головой. А посреди пастбища возвышался величественный монумент. Это был Ниро Вулф, застывший как изваяние со скрещенными на груди руками на пьедестале-валуне. Уникальное зрелище настолько захватывало, что я мог бы еще долго им любоваться. В позе и намека не было на утрату достоинства, напротив, она казалась величественной и даже немного волнующей.

– Все в порядке, шеф? – крикнул я.

– Скажи этому парню с ружьем, – отозвался Вулф, – что я с ним поговорю, когда выберусь отсюда! И передай, чтобы он загнал быка в стойло!

Я оглянулся. Горластый тип менее всего на свете был похож на загонщика быков. Он выглядел тщедушным и испуганным в своем комбинезоне и джинсовой рубашке. Даже лицо его со свернутым набок носом казалось потрепанным. Тем не менее он напустился на меня:

– Кто вы такие? Почему не повернули обратно, когда я вам кричал? Какого черта...

– Попридержи язык, приятель. Мы представимся позже. Ты можешь загнать быка в стойло?

– Нет. И я хочу сказать...

– А кто может?

– Никто. Все на ярмарке. Через час, наверное, вернутся. И я хочу сказать...

– Тебя никто не спрашивает. Или ты хочешь, чтобы он весь этот час томился на валуне со скрещенными на груди руками?

– Он может сесть, в конце концов. Но главное – пусть сию минуту уберется оттуда! Я охраняю быка.

– От кого? Не от нас ли?

– От кого угодно. Слушайте, если вы думаете, что это смешно...

Я повернулся к нему спиной и закричал Ниро Вулфу:

– Он охраняет быка! Требуется, чтобы вы немедленно оттуда убрались! Загнать быка он не может, а те, кто может, будут здесь через час.

– Арчи! – прогремел Вулф. – Когда я отсюда...

– Да нет же, ей-богу, я говорю правду! Мне этот бык нравится не больше, чем вам.

Воцарилось молчание. Затем с валуна послышалось:

– Значит, через час?

– Так он говорит.

– Тогда тебе придется это сделать самому! Ты меня слышишь?

– Да.

– Вот и прекрасно. Лезь обратно и отвлекай быка. Прогуливайся перед самым забором. Там, кажется, была женщина в красном?

Я оглянулся по сторонам:

– Видимо, уже ушла.

– Разыщи ее и одолжи эту красную штуку. Когда бык ринется на тебя, прыгай через забор. Повторяй так несколько раз и постепенно продвигайся к дальнему концу пастбища. Задержи его там, пока я не выберусь отсюда. Только пусть ему все время кажется, что он вот-вот до тебя доберется.

– Ладно.

– Что?

– Я сказал: «Ладно!»

– Хорошо. Приступай. Будь осторожен, не поскользнься на траве.

Когда я спросил девушку, не повторить ли для нее мой трюк, я подумал, что остроумно пошутил, но теперь... Ее нигде не было видно. Вторая, та, что в брючках, сидела на заборе. Я уже открыл рот, чтобы навести справки, как ответ появился сам, причем с другой стороны. Откуда-то из-за деревьев вынырнула машина с откидным верхом и остановилась перед воротами. За рулем сидела девушка в красном, которая крикнула мне:

– Идите сюда и откройте ворота!

Я, прихрамывая из-за ушибленного при неудачном приземлении колена, направился к ней, но парень с ружьем опередил меня, прыгая, словно гибрид козла и кенгуру. Когда я догнал его, он стоял возле машины, размахивая дробовиком, и цитировал свод законов про быков и про ворота.

Девушка нетерпеливо уговаривала его:

– Не упрямысь, Дейв. Не оставлять же его там! – Она повернулась ко мне. – Откройте ворота и, если хотите, залезайте в машину. Дейв закроет их за нами.

Но Дейв завизжал как полоумный:

– Оставьте ворота в покое! Клянусь Богом, я буду стрелять! Мистер Пратт приказал стрелять, если кто-нибудь полезет на пастбище!

– Чушь! – заявила девушка. – Ты уже нарушил его приказание. Почему ты не стрелял раньше? И теперь почему не стреляешь? Давай сбей его с валуна. Посмотрим, какой из тебя стрелок. – Теперь она напустилась уже на меня: – Так вы хотите спасти своего приятеля или нет?

Я поспешил отодвинуть засов и распахнул ворота. Бык сразу насторожился и развернулся в нашу сторону, наклонив голову набок. Дейв истошно вопил и размахивал ружьем, но мы не обращали на него внимания. Когда машина въехала на пастбище, я быстро забрался в нее, и девушка приказала Дейву закрыть ворота. Бык уже принял угрожающую позу и начал рыть копытами землю. Куски дерна так и летели ему под брюхо.

Тут я сказал:

– Подождите-ка, вы думаете, из этого что-нибудь выйдет?

– Не знаю. Попробуем. Или вы боитесь?

– Боюсь. Снимите эту красную штуку.

– Ну это уж предрассудки!

– А я суеверный. Снимите.

Схватив за ворот жакета, я помог девушке скинуть его и положил на сиденье между нами. Затем я полез под пиджак и вынул из кобуры пистолет. Девушка возмущенно фыркнула:

– Вы что, сыщик? Бросьте эти глупости. Или вы надеетесь остановить быка с помощью этой игрушки?

– Попытаюсь.

– На вашем месте я не стала бы этого делать, если вы, конечно, не готовы выложить сорок пять тысяч.

– Что выложить?

– Сорок пять тысяч долларов. Это не простой бык, это знаменитый Гикори Цезарь Гриндон. Так что спрячьте пушку.

Несколько мгновений я глядел на нее, а потом сказал:

– Уезжайте-ка вы лучше отсюда подобра-поздорову. А я последую инструкциям и заману быка в дальний конец пастбища.

– Нет! – Она нажала на газ. – Мне тоже хочется острых ощущений!

Нас трясло и болтало из стороны в сторону.

– С какой скоростью нам лучше ехать? Никогда еще не приходилось спасать кого-то. Кажется, для первого раза я выбрала довольно занятного субъекта.

Бык изображал из себя коня-качалку. Он взбрыкивал задними ногами и при этом опускал голову, а потом вставал на дыбы. При этом он пристально наблюдал за нами. Когда мы проезжали ярдах в тридцати от него, девушка сказала:

– Взгляните только, какой потрясающий экземпляр!

В это время машина ухнула в какую-то яму, так что я чуть не вылетел наружу.

– Смотрите, куда едете! – рявкнул я, не отрывая взгляда от быка.

Он вполне мог подцепить машину на рога и понести ее с такой же легкостью и грацией, как индианки носят кувшин. Мы подкатили к валуну. Девушка притормозила и пропела:

– Такси вызывали?

Я выскочил из машины и открыл Вулфу дверцу. Своих услуг, чтобы поддержать его под локоть, я решил в этот раз не предлагать, так как по выражению лица Ниро Вулфа догадался, что это было бы равносильно попытке поджечь бочку с порохом. Он уже спустился и стоял на нижнем уступе валуна на одном уровне с подножкой автомобиля.

– Вы, видимо, доктор Ливингстон? – спросила девушка.

Губы Вулфа чуть заметно дрогнули.

– Мисс Стэнли? Очень рад познакомиться. Меня зовут Ниро Вулф.

Ее глаза расширились от изумления.

– Боже всемогущий! Тот самый Ниро Вулф?..

– Не знаю... Я тот, который указан в Манхэттенском телефонном справочнике.

– Выходит, я и впрямь выбрала на первый раз довольно занятную личность. Садитесь же скорей!

С ворчанием взгромоздившись на сиденье, он изрек:

– Машину здорово трясет. Я не люблю тряски.

Она рассмеялась:

– Постараюсь ехать поаккуратней. Все-таки это лучше, чем трястись на рогах у быка.

Я еще раньше заметил, что у девушки довольно сильные пальцы, и теперь, когда она сняла жакет, было видно, как играют мышцы ее обнаженных рук, когда она крутит баранку, ловко объезжая ухабы и рытвины. Я посмотрел на быка. Ему уже надоело валять дурака, и все в его позе выражало величайшее презрение. Он выглядел даже более могучим, чем раньше. Тем временем девушка говорила Вулфу:

– Стэнли – это, конечно, хорошо, но меня зовут Каролина Пратт. О, извините, не заметила эту яму. Я, правда, не так знаменита, как вы, но два года я была чемпионкой столицы по гольфу. Здесь вообще собрались сплошные чемпионы. Вы – чемпион среди детективов, Цезарь – среди быков, я – чемпионка по гольфу...

«Так вот почему у нее сильные руки», – подумал я. Дейв тем временем открыл ворота и едва не прихлопнул нас, когда мы выезжали. Каролина промчалась под развесистым дубом,

нижние ветви которого едва не сбросили меня с сиденья, и остановилась перед большим строением. Дейв вприпрыжку мчался за нами с дробовиком. Я выпрыгнул из машины на дорожку, посыпанную гравием. Чемпионка по гольфу осведомилась у Вулфа, не нужно ли его куда-нибудь подвезти, но он уже распахнул дверцу и принялся вытаскивать свою тушу из машины, так что не удостоил девушку ответом. Тут к нему подскочил Дейв и стал что-то сбивчиво доказывать, но Вулф ожег его испепеляющим взглядом:

– Известно ли вам, что вас надлежит судить за попытку преднамеренного убийства? Я имею в виду не угрозу применить оружие, а то, что вы спрыгнули с забора и спровоцировали быка напасть на нас! – С этими словами Вулф прошествовал вокруг машины, подошел к своей спасительнице и раскланялся. – Благодарю вас, мисс Пратт, за находчивость, которую вы проявили как нельзя более кстати.

– Право, не стоит благодарности. Мне было очень приятно.

Он поморщился:

– Это ваш бык?

– Нет, он принадлежит моему дяде Томасу Пратту. Как и этот дом. Дядя скоро вернется. А пока могу я что-нибудь для вас сделать? Не хотите ли пива?

– Благодарю. Я думал, что мне уже не доведется попить пива. Мы ведь попали в аварию. Мистер Гудвин не смог справиться с норовом машины... Прошу прощения, мисс Пратт, я забыл представить вам мистера Гудвина.

Девушка вежливо протянула руку, и я пожал ее.

– Так вот, мистер Гудвин не совладал с норовом машины, – повторил Вулф, – и мы врезались в дерево. Потом он пытался свалить все на лопнувшую шину. Он же уговорил меня незаконно пересечь ваше пастбище. Хорошо еще, что я первым заметил быка. А когда я убедился, что мистер Гудвин ничего не смыслит в повадках быков...

Еще во время спасательной операции по выражению лица Вулфа я понял, что он будет вести себя как ребенок, но не ожидал, что это произойдет на людях. Пришлось вмешаться.

– Могу я воспользоваться телефоном?

– О, вы перебили мистера Вулфа, – упрекнула меня Каролина. – Если он хочет объяснить...

– Позвольте мне проводить вас к телефону, – послышался воркующий голос сзади.

Я обернулся и увидел девушку в желтом, отметив про себя, что она достает мне до подбородка, что у нее красивые светлые волосы и лукавые синие глаза. Девушка улыбалась уголком рта.

– Пойдемте, Эскамильо, – позвала она.

– Премного благодарен, – ответил я, устремляясь за ней.

– Кстати, меня зовут Лили Роуэн, – поведала она по дороге.

– Чудесное имя. – Я широко осклабился. – А я Эскамильо Гудвин.

Глава 2

– Который час? – донесся из открытой двери голос Ниро Вулфа.

Взглянув на лежащие на стеклянной полочке часы, я вышел из ванной, придерживая намазанную йодом руку, обогнул внушительных размеров кресло, в котором разместился Ниро Вулф, и сказал:

– Пятнадцать двадцать шесть. Я надеялся, что хоть пиво вас немного взбодрит. А то, как видно, радость жизни в вас угасает, коль скоро вы не можете позволить себе достать часы из собственного кармана.

– Какая там радость жизни, – простонал он, – когда наша машина разбита вдребезги, а мои бедные орхидеи задыхаются в ней...

– Они не задыхаются. Я не до конца поднял стекла. – Удостоверившись, что йод высох, я опустил руку. – Однако вернемся к радости жизни. Ведь что получается: капот всмятку, а мы живы! Бык до нас не добрался! Мы познакомились с чудесными людьми, которые приютили нас, дали прекрасную комнату с ванной, угостили холодным пивом вас, а меня – йодом. Кстати, если вы считаете, что я мог убедить ребят из Кроуфилдского гаража приехать за нами в самый разгар ярмарки, то поговорите с ними сами. Они и вас сочтут за сумасшедшего. Вот-вот вернется мистер Пратт и отвезет нас в Кроуфилд вместе с багажом и цветами. Я звонил в отель, и мне обещали придержать наш номер до десяти часов вечера. Большого и ожидать нельзя. Там сейчас такая свара из-за мест! – Застегнув рукав, я потянулся за пиджаком. – Как пиво?

– Хорошее, – рассеянно ответил Вулф и нахмурился. – Свара из-за мест, говоришь... – Он огляделся по сторонам. – Однако приятная комната... Просторная, светлая. Пожалуй, нужно сделать такие окна дома, в моей комнате. И кровати удобные. Ты не пробовал полежать?

Я уставился на него с подозрением:

– Нет.

– Первокласные кровати. Когда, ты говорил, пришлют за нашей машиной?

– Завтра днем, – терпеливо повторил я.

– Завтра так завтра, – вздохнул он. – Раньше мне казалось, что я не люблю новые дома, но здесь очень мило. Конечно, это заслуга архитектора. Знаешь, откуда взялись деньги на постройку дома? Мисс Пратт мне рассказала. Ее дядя – владелец нескольких сотен небольших ресторанчиков в Нью-Йорке. Он их называет праттериями. Бывал когда-нибудь?

– Естественно. – Я задрал штанину, разглядывая ушибленное колено. – Иногда в них обедаю.

– Вот как? Ну и как еда?

– Ничего особенного. Смотря к чему вы привыкли. – Я пожал плечами.

В дверь постучали, и вошел какой-то тип с грязной щекой, в испачканных брюках и белоснежной накрахмаленной куртке. Он промямлил, что приехал мистер Пратт и мы можем спуститься к нему, когда пожелаем. Вулф сказал, что мы сейчас придем, и тип исчез.

– Видимо, мистер Пратт – вдовец, – заметил я.

– Нет, – ответил Вулф, пытаясь подняться. – Он никогда не был женат. Так сказала мисс Пратт. Ты не думаешь причесаться?

Нам пришлось изрядно побегать по дому, пока мы не разыскали хозяев. Сперва мы попали в столовую, оттуда прошли через гостиную и еще через одну комнату с фортепиано и наконец обнаружили их на террасе, укрытой от солнца навесом. Обе девушки сидели поодаль в углу с молодым человеком и потягивали хайболы. Ближе к нам, за столом, расположились двое мужчин, которые вели деловую беседу, манипулируя какими-то бумагами. Один, молодой и прилизанный, походил на маклера. У второго, довольно пожилого, были темные, сидящие

волосы, узкий лоб и квадратная челюсть. Подойдя к ним, Вулф остановился. Пожилой мужчина нахмурился и сказал:

– А, это вы!

– Мистер Пратт? – Вулф слегка поклонился. – Я Ниро Вулф.

Молодой человек встал. Пожилой по-прежнему хмурился.

– Знаю. Племянница мне сказала. Я, конечно, слышан о вас, но, будь вы хоть президент Соединенных Штатов, вы не имели права находиться на моем пастбище после того, как вам велели его покинуть. Что вам там понадобилось?

– Ничего.

– Зачем же вы туда забрались?

Вулф поджал губы, а затем спросил:

– Племянница рассказала вам, что с нами приключилось?

– Да.

– Вы считаете, она солгала?

– Почему? Конечно нет.

– Значит, вы думаете, что я солгал?

– Нет, – растерялся Пратт.

Вулф пожал плечами:

– Тогда мне остается только поблагодарить вас за оказанное гостеприимство – за телефон, пристанище, освежающие напитки... Пиво мне очень понравилось. Ваша племянница любезно предложила отвезти нас в Кроуфилд... Вы не возражаете?

– Ни в коей мере. – Тугодум все еще хмурился, затем скрестил руки на груди и сказал: – Нет, мистер Вулф, я ни в коем случае не считаю, что вы солгали, но тем не менее хотел бы кое-что выяснить. Сами понимаете, ведь вы детектив, и вас могли нанять... От них всего можно ожидать. Меня уже замучили до полусмерти. Сегодня ездил с племянником на ярмарку в Кроуфилд, так мне и там прохода не давали. Пришлось сбежать домой, чтобы избавиться от них. Так вот я спрашиваю напрямую: вы заехали на пастбище, потому что знали, что бык там?

– Нет, сэр! – ответил Вулф с несколько озадаченным видом.

– Ваш приезд сюда как-нибудь связан с быком?

– Нет! Я приехал выставить свои орхидеи на Североатлантической ярмарке.

– Значит, вы выбрали мое пастбище случайно?

– Мы его не выбирали. Все дело исключительно в геометрии. Кратчайший путь к дому ведет через пастбище. Так нам показалось, – добавил Вулф с горечью.

Пратт кивнул. Он посмотрел на часы, встал и повернулся к молодому человеку, складывавшему бумаги в портфель.

– Ладно, Пейви, езжай шестичасовым поездом из Олбани. Передай Джеймсону, чтобы он ни в коем случае не спускал цену ниже двадцати восьми долларов. С прошлого года аппетит у людей не ухудшился. Только запомни – больше никаких пирогов...

Он еще прочел наставления по поводу расценок на некоторые блюда, напомнил о каких-то новых контрактах в Бруклине и напоследок крикнул вдогонку Пейви, почему следует закупать салат. Затем наш хозяин вдруг спросил Вулфа, не хочет ли тот выпить чего-нибудь крепкого. Вулф ответил, что он предпочитает пиво, но мистер Гудвин, без сомнения, не откажется пропустить стаканчик. Пратт что было мочи заорал:

– Берт!

На крик откуда-то вынырнул грязнощекий и принял заказы. Когда мы расселись, трио из угла террасы присоединилось к нам со своими стаканами.

– Ты позволишь? – обратилась мисс Пратт к дяде. – Джимми мечтает познакомиться с нашими гостями. Мистер Вулф, мистер Гудвин, а это мой брат Джим.

Я учтиво привстал, и тут до меня дошло, что Вулф затеял какую-то непостижимо отчаянную игру, так как вместо того, чтобы извиниться, как обычно, за то, что не отрывает свою многопудовую тушу от стула, он поднялся во весь рост. Мы все сели, а блондинка Лили раскинулась в кресле-качалке с таким расчетом, чтобы мне было удобнее любоваться ее изящными ножками.

– Я, конечно же, наслышан о вас, – повторил Пратт Вулфу. – Даже знаю кое-какие подробности. Мой друг Пит Хатчинсон рассказывал, что несколько лет назад вы отказались расследовать дело, связанное с его женой.

– Я стараюсь не братья за дела семейного характера, – подтвердил Вулф.

– Поступай, как тебе нравится, – вот мой девиз, – изрек Пратт, отхлебнув глоток из стакана. – Это ваш бизнес, и вы вправе поступать как хотите. Насколько мне известно, вы не прочь вкусно поесть. Мой бизнес как раз питание, а точнее – общественное питание. На прошлой неделе мы ежедневно продавали в Нью-Йорке в среднем сорок две тысячи триста девяносто два ланча. Я вот к чему клоню – сколько раз вы обедали в моих праттериях?

– Я?.. – Вулф не спешил с ответом, пока наливал себе пива. – Ни разу.

– Ни разу?

– Я всегда обедаю дома.

– Вот как... – Пратт не мог отвести взгляд от Вулфа. – Конечно, иногда можно неплохо поесть и дома. Но лучше все же... Мое имя прогремело, когда я пригласил в праттерию и накормил по выбору из меню пятьдесят представителей высшего света. Видели бы вы, как они восхищались. Своего успеха я достиг благодаря, во-первых, качеству, а во-вторых, рекламе. – Он поднял два пальца.

– Всепобеждающее сочетание, – пробормотал Вулф. Мне захотелось лягнуть его под столом. Он буквально лизал пятки этому деревенщине. Но Вулф пошел дальше. – Ваша племянница немного рассказала мне о вашей феноменальной карьере.

– В самом деле? – Пратт взглянул на нее. – У тебя пустой стакан, Каролина. – Он повернул голову и громко позвал Берта, затем вновь обратился к Вулфу: – Что ж, она неплохо разбирается в моих делах. Два года работала у меня. Потом увлеклась гольфом, добилась кое-каких успехов, и я решил, что племянница-чемпионка послужила бы мне хорошей рекламой. Так и вышло. Этим она принесла мне куда больше пользы, чем от сидения в конторе. А вот ее братцу далеко до нее. Единственный мой племянник – и ни на что не годен. Да, Джимми?

– Совершенно верно, – ухмыльнулся юноша.

– Сам-то ты, конечно, так не считаешь. Если бы твои родители не умерли, когда ты был еще ребенком, ни за что бы на тебя не тратился. Пожалуй, это моя единственная слабость. Стоит мне только подумать, что после моей смерти все достанется тебе и твоей сестре, больше ведь некому, и я начинаю мечтать о бессмертии... Мне плохо делается, когда я представляю себе, на что тыпустишь мое состояние... Позвольте спросить, мистер Вулф, как вам нравится мой дом?

– Очень нравится.

Джимми гоготнул.

Не обращая на него внимания, Пратт покосился на Вулфа:

– В самом деле? А ведь его выстроил мой племянник. Строительство завершилось только в прошлом году. Я-то сам здешний, родился и вырос на этом самом месте, в старой лачуге. И как только это вышло у Джимми, ума не приложу...

Он продолжал разглагольствовать, а Вулф потихоньку откупорил очередную бутылку пива. Да и я не терял времени даром, благо пил не виски в праттерии. Я расправлялся уже со второй порцией, устроившись так, чтобы было удобнее поглядывать на блондинку. Я перестал слушать Пратта, размышляя, что ценнее в девушках – привлекательная внешность или умение спасти человека от бычьих рогов. Вдруг приятный поток моих мыслей был бесцеремонно нару-

шен. Из-за угла неожиданно появились четыре незнакомых субъекта, которые с решительным видом протопали на террасу. Вспомнив слова хозяина о преследовании на ярмарке и разглядев недоброе выражение на лицах незваных пришельцев, я сунул было руку за пистолетом, но вовремя спохватился и сделал вид, что собирался почесать плечо.

Пратт вскочил и, наморщив узкий лоб, злобно уставился на вновь прибывших. Один из них, приземистый крепыш с острым носом и пронзительными глазками, выступил вперед:

– Ну, мистер Пратт, надеюсь, теперь мы сумеем договориться?

– Нам не о чем договариваться. Я вам уже говорил.

– Но нас это не устраивает. – Остроносый обвел взглядом присутствующих. – Позвольте объяснить, что мы...

– Вы зря тратите время, мистер Беннет. Я повторяю...

– Позвольте мне! – перебил голос, явно привыкший командовать. Он исходил от широкоплечего, отлично сложенного мужчины, в потрясающем сером спортивном костюме и в автомобильных перчатках – это в теплую-то погоду! – Вы Пратт? Лу Беннет втравил меня в эту историю, а я очень спешу в Кроуфилд, чтобы успеть в Нью-Йорк. Меня зовут Каллен.

– Дэниел Каллен, – услужливо добавил Беннет.

– О! – благоговеяно произнес Пратт. – Это честь для меня, мистер Каллен. В моем скромном доме... Присаживайтесь, пожалуйста. Что-нибудь выпьете? Джимми, принеси стулья для гостей. Познакомьтесь с моей племянницей, мистер Каллен...

Пратт начал суетливо представлять всех друг другу. Оказалось, что Лу Беннет занимал пост секретаря Национальной лиги по разведению скота гернзейской породы. Долговязого мужчину с жидкими волосами и усталым лицом звали Монт Макмиллан, Дэниел Каллен нуждался в рекомендациях не больше, чем, скажем, Джон Морган. Четвертый гость, выглядевший еще более уставшим, чем Макмиллан, оказался председателем совета Североатлантической ярмарки по имени Сидни Дарт.

Берта послали за выпивкой. Лили Роуэн подвинулась, чтобы освободить место, и к ней подсел Джимми Пратт. Было видно, что вновь прибывшие мало интересуют девушку.

Разговор вновь начал Лу Беннет:

– Мистер Каллен торопится, и я уверен, что вы, мистер Пратт, сумеете оценить, что он делает для всех нас. Уверяю, вы и цента не потеряете. Дело закончится к всеобщей...

– Это же просто произвол! – не выдержал Каллен, уставившись на Пратта. – Судить таких надо! Какого черта...

– Извините, – поспешно влез Беннет, – но мы уже обсуждали этот вопрос с мистером Праттом, и у него свое мнение на этот счет. Слава богу, что вы пришли нам на помощь. – Он повернулся к Пратту. – Дело в том, что мистер Каллен великодушно согласился выкупить у вас Гикори Цезаря Гриндона.

Пратт кашлянул, помолчал немного и спросил:

– А что он будет с ним делать?

Беннет казался шокированным.

– Он ведь владеет едва ли не лучшим в стране стадом гернзейской породы.

Каллен сердито взглянул на Пратта:

– Поймите, Пратт, мне ваш бык не нужен. У моего лучшего производителя Махуа Галанта Мастерсона сорок три чистопородные телки. Еще три молодых производителя сейчас проходят отбор. Я покупаю Цезаря исключительно в интересах нашего животноводства и лиги по разведению гернзейской породы!

– Мистеру Каллену действительно ни к чему ваш бык, – подхватил Беннет. – Им движут самые благородные побуждения, но не согласен платить за Цезаря всю ту сумму, что вы уплатили Макмиллану. Конечно, бык теперь ваш, но согласитесь: сорок пять тысяч долларов – это сумма несуразная. Сам Голдуотер Гранде был продан за тридцать три тысячи в тысяча

девятьсот тридцать втором году, а Цезарю далеко до Гранде. Гранде – отец ста двадцати семи племенных телок и пятнадцати первоклассных бычков. Так что наши условия таковы: мистер Каллен платит вам тридцать три тысячи долларов, а Макмиллан возвращает двенадцать тысяч из суммы, которую вы ему заплатили. Так что ничего не теряете. Мистер Каллен тут же выпишет вам чек и вечером придет за Цезарем людей и фургон. Если бык не потерял формы, то мистер Каллен выставит его в четверг на ярмарке. Надеюсь, он в порядке. Насколько мне известно, вы держите его на выгоне?

Пратт напустился на Макмиллана:

– Еще сегодня вы клялись, что с этим делом покончено и вы не станете участвовать в любых попытках сорвать нашу сделку!

– Вы правы. – Макмиллан слегка дрожащей рукой поставил стакан с виски на стол. – Но они пристали ко мне с ножом к горлу... Они так давили... А ведь я старый гернзеец, мистер Пратт...

– Вы опорочили честь гернзейцев? – взорвался Каллен. – Я бы вообще исключил вас из лиги гернзейцев! Вам нет прощения! Вы прекрасно знали, что станет с быком после продажи!

– Конечно, – уныло кивнул Макмиллан. – Вам легко говорить, мистер Каллен. У вас денег куры не клюют. А у меня же после кризиса осталось одно стадо, и больше ничего. А тут еще сибирская язва месяц назад... Из всего стада уцелели четыре теленка, шесть коров, один бычок и Цезарь. Даже породистую телку купить было не на что! Как мог я содержать Цезаря в таком положении? Вот я и разослал телеграммы дюжине крупнейших скотопромышленников, включая и вас, сэр. И что я получил в ответ? Все знали, что я на мели, вот никто и не предложил больше девяти тысяч. Девять тысяч за Гикори Цезаря Гриндона! А тут ко мне пришел мистер Пратт. Он не скрывал, для чего ему понадобился Цезарь. Затея была невероятная, но соблазн велик... Особенно когда у тебя ни гроша за душой. Вот я и решил от него отделаться и заломил неслыханную цену – сорок пять тысяч! – Макмиллан взял свой стакан, заглянул в него и отставил в сторону. – Мистер Пратт, не моргнув глазом, вытащил чековую книжку и, не сходя с места, выписал мне чек. А ведь вы, мистер Каллен, не предложили мне и девяти тысяч. Насколько я помню, ваша цена была семь с половиной...

Каллен пожал плечами:

– Я в нем не нуждался. Впрочем, теперь вы получите тридцать три тысячи, точнее, оставите их из денег, уплаченных Праттом. Считайте еще, что вам чертовски повезло. Во мне вдруг проснулся филантроп. Я беседовал по телефону с управляющим и даже не уверен, нужна ли мне линия Цезаря в стаде. Всегда были быки лучше Цезаря и всегда будут...

– Но только не ваши, черт побери! – Голос Макмиллана задрожал от ярости. – Дилетант паршивый! – Внезапно он умолк, обвел глазами присутствующих и провел ладонью по губам. Потом нагнулся к Каллену и горячо заговорил: – Да кто вы вообще такой, чтобы судить о быках и коровах – даже самых завалящих?! Не говоря уже о Гикори Цезаре Гриндоне! Цезарь был лучшим из племенных быков! – Он снова провел по губам ладонью. – Да, я сказал «был», так как он мне больше не принадлежит. Но он еще и не ваш, мистер Каллен. И ведь он внук самого Берли Великого. Он зачал пятьдесят одну чистопородную телку и девять бычков. Я глаз не сомкнул в ту ночь, когда он появился на свет. – Макмиллан показал свои руки, которые едва заметно дрожали. – Вот эти пальцы он сосал, будучи шести часов от роду. Он получил девять главных призов на выставках. Последний – на национальной, в прошлом году в Индианаполисе. Двенадцать его дочерей дают больше тринадцати тысяч фунтов молока и больше семисот фунтов молочного жира каждая. А вы смеете утверждать, что он не нужен для вашего стада! Надеюсь, черт вас побери, он вам и не достанется! Мои руки теперь развязаны. – Он повернулся к Беннету. – Мне самому пригодятся эти двенадцать тысяч, Лу. И из вашей игры я выхожу.

Что тут началось! Беннет, Дарт и Каллен – все втроем обрушились на Макмиллана. Если отбросить в сторону ненужные детали, то смысл сводился к тому, что Макмиллан нарушил слово, чего не имел права делать, что на карту поставлен престиж Национальной лиги по разведению гернзейской породы и всего американского скотоводства, что случившееся подорвет престиж ярмарки, что тридцати трех тысяч Макмиллану хватит с лихвой и так далее. Макмиллан, мрачный и злой, сидел, упрямо не раскрывая рта.

От внезапного, как взрыв бомбы, возгласа Пратта все замолчали.

– Оставьте его в покое! Он здесь ни при чем. Я не возьму никаких отступных! Мне нужен только бык, и он уже мой, и у меня в сейфе хранится купчая. И баста!

Все устали на Пратта.

– Но это невозможно, – залопотал Беннет. – Подождите... Я же объяснил...

– Я не отступлюсь, – упрямо процедил Пратт. – Сделка есть сделка. Приготовления уже идут полным ходом. Я позвал сотню гостей...

– Проклятье! Да после всего, что мы... – Беннет вскочил, так яростно размахивая руками, что я решил на всякий случай проверить, легко ли вынимается пистолет. – Вы не смеете! – вопил Беннет. – Мы не допустим! Вы просто сумасшедший, если надеетесь, что вам это сойдет с рук! В Кроуфилде меня ждут двенадцать членов лиги. Мы такое придумаем, что вы горько пожалеете о своем решении!

Остальные тоже поднялись с мест.

– Вы мерзкий маньяк, Пратт! – выкрикнул Дэниел Каллен и повернулся к выходу. – Беннет, Дарт, пошли. Я должен успеть на поезд.

Он решительно двинулся прочь. Беннет и Дарт отправились следом, и вскоре вся троица скрылась за углом дома. После некоторого молчания морщины на лбу Пратта разгладились, и он взглянул на Макмиллана:

– Знаете, Макмиллан, мне не нравится этот Беннет. И то, что он говорил, тоже не нравится. Ему ничего не стоит пробраться на пастбище, а мой сторож – полный растяпа. Я понимаю, что за сорок пять тысяч вы мне ничем не обязаны, но, учитывая...

– Конечно. – Макмиллан встал, неуклюжий и долговязый. – Пойду взгляну. Мне... мне и так хотелось посмотреть на него.

– Вы можете задержаться немного?

– Вполне.

Скотовод ушел.

Мы остались сидеть. Племянник с племянницей казались встревоженными, Лили Роуэн зевала, а Пратт хмурился. Вулф подавил вздох и допил пиво.

– Ну и кутерьма, – пробурчал Пратт.

– Подумать только, – кивнул Вулф, – из-за какого-то быка. Словно вы хотите зажарить его и съесть!

– В том-то и дело, – кивнул в ответ Пратт. – Из-за того они и бесятся.

Глава 3

Так вот где собака зарыта! Молодежь и глазом не моргнула, но я вытаращился на нашего хозяина в немом изумлении. И по тому, как дернулась голова Ниро Вулфа, я понял, что и он по-настоящему удивлен, а это с ним случается крайне редко. Он выдал свое удивление еще и тем, что переспросил, а подобное наблюдалось не чаще.

– Вы хотите съесть быка, мистер Пратт?

Пратт снова кивнул:

– Да. Вы, должно быть, заметили яму, которую роют у дорожки? Это для барбекю. Быка жарят на вертеле. Пир состоится через три дня, в четверг. Племянница с племянником и мисс Роуэн приехали на это торжество. Я пригласил около сотни гостей, в основном из Нью-Йорка. Быка забьют завтра. Пришлось вызвать мясника из Олбани – местные отказались.

– Потрясающе! – сказал Вулф, по-прежнему держа голову высоко поднятой. – Полагаю, в таком гиганте чистого мяса семьсот, а то и восемьсот фунтов. Сорок пять тысяч поделить... выйдет долларов шестьдесят за фунт. К тому же вы используете только самые лакомые куски, а многое пропадет... Можно посчитать и по-другому: если у вас сто гостей, то каждая порция обойдется в четыреста пятьдесят долларов.

– Если так рассуждать, это и впрямь выглядит дико. – Пратт потянулся за стаканом, увидел, что он пуст, и громко позвал Берта. – Но согласитесь – истратив те же сорок пять тысяч на рекламу в газете или еще где, что вы получите? А на радио ваши деньги вообще проглотят в мгновение ока. А вот моя затея оправдывает все расходы. Вы разбираетесь в психологии?

– Я? – Вулф подавился, затем твердо ответил: – Нет.

– А следовало бы. Так вот послушайте. Представляете, какая поднимется шумиха, когда станет известно, что знаменитого быка, чемпиона гернзейской породы, зажарили на вертеле и подали в виде бифштексов сборищу эпикурейцев? И кто это сделал? Том Пратт, владелец знаменитых праттерий! И знаете, что из этого получится, не говоря уже о рекламе? В течение многих месяцев посетители праттерий, жуя сэндвич с ростбифом, будут подсознательно чувствовать во рту вкус великого Гикори Цезаря Гриндона! Вот что значит психология.

– Вы упомянули про эпикурейцев...

– Кое-кто ожидается. В основном, конечно, я пригласил друзей и влиятельных знакомых, а также газетчиков. Но будут и несколько эпикурейцев. – Пратт неожиданно вскочил на ноги. – Кстати, вы ведь известный гурман. Вы еще будете в Кроуфилде? Не пожелаете ли составить нам компанию? В четверг, в час дня.

– Благодарю вас, сэр. Не думаю, что вкусовые качества Цезаря окажутся чемпионскими, но, пожалуй, попробую.

– Еще бы! Я собираюсь вечером звонить в свое нью-йоркское агентство. Вы позволите сказать газетчикам, что Ниро Вулф будет в числе гостей?

– Да, пожалуй. Конкурс орхидей закончится в среду, после чего я, вероятно, отправлюсь домой. Впрочем, вам не возбраняется говорить о моем визите. Еще один вопрос. Мне любопытно, вы не испытываете угрызений совести из-за того, что собираетесь умертвить быка столь благородного происхождения?

– С какой стати? – отмахнулся Пратт. – Они тут наговорили про многочисленное племенное потомство Цезаря – это их главный аргумент. А что это значит, вам известно? Корову объявляют племенной, если она дает определенный средний удой молока нужной жирности в течение года. В нашей стране около сорока тысяч племенных коров гернзейской породы, и только пятьдесят одна из них от Цезаря. А если послушать эту шайку из Кроуфилда, то можно подумать, что я намереваюсь вырезать все поголовье гернзейского скота. Я уже получил больше

сорока телеграмм, в которых мне угрожают расправой. Это все Беннет! Он науськивает на меня скотоводов.

– Видимо, они убеждены в своей правоте.

– Конечно, как и я в своей! Хотите еще выпить, мистер Гудвин? А вы, мисс Роуэн? Эй, Берг! Берг!

Грязнощекий, надо отдать ему справедливость, исполнял свои обязанности довольно проворно. Три хайбола превышали мою обычную норму, но после столкновения с деревом и корриды на пастбище я решил, что лишний бокал мне не повредит. Утомленный разговорами о чемпионе-быке, я придвинулся к чемпионке-племяннице и принялся любезничать с ней. Мои ухаживания были восприняты весьма благосклонно. Через несколько минут я заметил, что блондинка то и дело стреляет в меня глазами, и, улучив момент, улыбнулся ей. Я мог бы действовать и поактивнее, но впереди меня ожидали отнюдь не розовые перспективы. Мне предстояло до наступления сумерек доставить Вулфа, багаж и орхидеи в Кроуфилд, в забронированный для нас номер отеля, распаковать вещи, обеспечить Вулфа едой, которую он сможет проглотить, не подавившись, выслушать назидание за мое неумение водить машину и рекомендацию объезжать встречные деревья, согласиться со всем этим вздором и еще час-другой сидеть и прислушиваться к его вздохам. Я уже раскрыл рот, чтобы напомнить племяннице о ее обещании отвезти нас в Кроуфилд, так как время перевалило за пять часов вечера, как вдруг услышал нечто из ряда вон выходящее. Пратт пригласил моего шефа остаться на ужин, и Вулф дал согласие. Я злобно посмотрел на него, мстительно надеясь, что еда окажется отвратительной, поскольку знал, что после наступления темноты устроиться в Кроуфилде на ночлег будет практически невозможно, и тогда никаких человеческих сил не хватит, чтобы сладить с Вулфом. Он заметил мой неласковый взгляд и прикрыл глаза, я же притворился, что не замечаю его, и сосредоточил все внимание на племяннице. По-моему, она была премиленькая и довольно сообразительная, но уж больно сильная. По мне, так девушка должна быть девушкой, а спортсменка – спортсменкой, хотя возможны и промежуточные варианты.

В ответ на приглашение Каролины я сказал, что с радостью составил бы ей компанию на теннисном корте, да вот рука болит – повредил при покорении забора (отъявленная ложь). И тут вдруг на террасу заявился еще один отряд нападающих во главе с исключительно симпатичной особой лет двадцати двух – двадцати трех, с золотисто-кариими глазами и мягким чувственным ртом. Она была без шляпки, в полотняном платье с пояском. По пятам за ней следовал высокий стройный парень, чуть моложе меня, в коричневых брюках и пуловере. Замыкал шествие субъект, которому явно надлежало пребывать в ином месте, а именно в зоне, ограниченной Сорок второй улицей и Девяносто шестой – с юга и севера, Лексингтон-авеню и Бродвеем – с востока и запада. Там подобные типы находятся в родной стихии, но здесь, в провинции, их роскошные костюмы, непременно атрибутом которых являются жилеты, сшитые на заказ модные рубашки и кричащие галстуки, просто режут глаз.

Атмосфера сразу наэлектризовалась. У нашего хозяина от изумления отвисла челюсть. Джимми покраснел и вскочил на ноги. Каролина что-то пробормотала, а Лили Роуэн нахмурилась.

Подойдя к столу, уставленному пустыми стаканами, девушка обвела присутствующих взглядом и сказала:

– Нам, наверное, следовало позвонить?

Ее разуверили. Послышались приветствия. Субъекта в модном костюме видели в доме Праттов впервые, и он отрекомендовался как мистер Бронсон. Девушку звали Нэнси Осгуд, а стройный оказался ее братом Клайдом. В очередной раз кликнули Берта. Мисс Осгуд принялась уверять, что они не хотели портить нашу вечеринку, случайно заскочили на минутку по пути с ярмарки и задержаться не могут, ну разве только на одну минутку... Клайд Осгуд, на шее которого болтался бинокль, подошел к Пратту и вызывающе сказал:

– Монт Макмиллан прогнал нас с пастбища, а ведь мы хотели только взглянуть на вашего быка.

Пратт с делано безразличным видом кивнул, но жилы на его висках вздулись.

– Чертов бык доставляет массу хлопот. – Он посмотрел на Нэнси Осгуд, потом перевел взгляд на ее брата. – Молодцы, что заехали. Очень приятный сюрприз. Я видел сегодня вашего отца в Кроуфилде.

– Да, он говорил. – Клайд вдруг замолчал, потом стал разворачиваться медленно, но уверенно, словно влекомый какой-то неведомой силой. Он сделал четыре шага и остановился прямо перед Лили Роуэн.

– Как поживаешь? – спросил он.

– Прекрасно. – Она запрокинула голову назад, чтобы лучше видеть его. – А у тебя все в порядке?

– Да, вполне.

– Очень рада. – Лили зевнула.

Этот диалог, видимо, чем-то задел Джимми Пратта, ибо он зарделся еще сильнее, хотя смотрел все время на Нэнси Осгуд, беседовавшую с Каролиной. Каролина настаивала, чтобы гости задержались и пропустили по стаканчику. Мистер Бронсон, которого, по-видимому, утомил проведенный на ярмарке день, присел. Клайд внезапно повернулся спиной к Лили, подошел к Пратту и опустил в соседнее кресло.

– Можно вас на минутку?

– Да, мой мальчик?

– Понимаете, мы зашли с сестрой, чтобы повидать вас.

– Что ж, очень приятно. Теперь, когда я выстроил этот дом, мы ведь снова соседи, не так ли?

Клайд нахмурился. Он походил на избалованного ребенка, который то и дело капризно выпячивает губы.

– Соседи? – переспросил он. – Да, пожалуй. Формально, во всяком случае. Я хотел поговорить с вами насчет быка. Я знаю, зачем вы это затеяли... Все только это и обсуждают. Вы хотите унижить моего отца... Отстань, Нэнси, я знаю, что делаю...

Нэнси вцепилась ему в плечо:

– Клайд, нельзя же так...

– Оставь меня в покое! – Он стряхнул ее руку и снова накинута на Пратта: – Вы хотите сделать из отца посмешище, зарезав быка, который намного превосходит лучшего из осгудовских. Впрочем, одного у вас не отнимешь: вы выбрали лучшего быка для своей цели. Гикори Цезарь Гриндон... Представляю, какая будет сенсация. Я сужу не по его показателям, а потому, что немного разбираюсь в скоте... или, вернее, разбирался. Я просил отца купить его, еще когда Цезарь был молоденьким бычком. Вы и впрямь думаете, что вам удастся зарезать его?

– Есть у меня такая задумка. Только с чего ты взял, будто я хочу обидеть твоего отца? Чушь какая! Это всего лишь реклама для моего бизнеса.

– Черта с два! Я вас раскусил. Вы хотите насолить отцу... Отстань, сестра!

– Ты ошибаешься, мой мальчик, – терпеливо произнес Пратт. – Я не преследую злого умысла. Послушай, у меня есть деловое предложение. Насколько мне известно, лучший бык из вашего стада уже состарился. Так вот, если твой отец придет ко мне и попросит быка, которого я недавно приобрел, то я, пожалуй, отдам ему быка в подарок. Клянусь честью!

– Так я вам и поверил! – Клайд кипел от негодования. – Вот что я вам скажу. Весь Кроуфилд только об этом и говорит. Естественно, мой отец, как член гернзейской лиги, тоже в курсе дела. Он с самого начала понимал, что план, который разработал Беннет вместе с Калленом и Макмилланом, обречен на провал. Он слишком хорошо знает вас. Но моей сестре взбрело в голову приехать сюда и попытаться вас уговорить, а я сдуру согласился. По дороге мы встре-

тили Беннета и компанию, которые обо всем рассказали. И все же мы приехали – зачем, одному Богу известно. А вот теперь я хочу предложить вам пари. Вам случалось заключать пари?

– Ну, вообще-то, я этим не увлекаюсь, – пожал плечами Пратт, – но иногда не против дружеского пари. Даже сорвал небольшой куш во время муниципальных выборов в тысяча девятьсот тридцать шестом.

– Тогда как насчет дружеского пари со мной? Скажем, на десять тысяч долларов?

– По какому поводу?

Тут их прервали. Послышалось: «Ах вот вы где!» – и на террасу поднялся Монт Макмиллан. Он вздохнул с облегчением и приблизился к Пратту:

– Они околачивались возле забора. Я показал им от ворот поворот, и они куда-то исчезли. Я далек от мысли подозревать младших Осгудов в намерении похитить быка, но все же...

– Присядьте и выпейте, – прервал его Пратт. – Берт! Берт! Куда он запропастился, черт возьми?! – Он повернулся к Клайду: – Так по какому поводу ты предлагаешь пари?

Клайд пригнулся к нему поближе:

– Бьюсь об заклад на десять тысяч долларов, что вам не удастся зарезать Гикори Цезаря Гриндона.

– Клайд! – воскликнула Нэнси.

Вулф прикрыл глаза. Послышались оживленные возгласы, даже Лили Роуэн встрепенулась. Макмиллан, собиравшийся сесть, так и замер на полпути к сиденью и потом медленно опустился.

– А что же мне помешает? – спокойно осведомился Пратт.

Клайд поднял обе руки ладонями вверх:

– Принимаете пари или нет?

– Десять тысяч долларов, что я не зарежу Гикори Цезаря Гриндона?

– Да.

– За какое время?

– Скажем, за эту неделю.

– Должен предупредить, что я консультировался у юриста. Бык – моя собственность, и по закону я вправе сделать с ним все, что мне заблагорассудится, – чемпион он или нет.

Клайд молча пожал плечами. Застывшее на его лице выражение я частенько наблюдал у игроков в покер.

– Что ж... – Пратт скрестил руки на груди. – Это становится занятным. Как считаете, Макмиллан? Могут они выкрасть быка с пастбища?

– Не представляю, кто может отважиться на такое, – пробормотал скотовод. – Вот если здесь дурной умысел... Вот если бы его в сарай...

– У меня нет сарая. – Пратт снова обратился к Клайду: – Еще один вопрос. Что будем ставить? Чеки?

Клайд вспыхнул:

– Банк не оплатит мой чек. Вы это прекрасно знаете. Но не волнуйтесь. Если я проиграю, то заплачу. Наличными.

– Так ты предлагаешь джентльменское пари? Мне?

– Можете это так называть. Да, джентльменское пари.

– Мой мальчик, я, конечно, польщен твоим доверием, но не могу принять такие условия, когда на карту поставлены десять тысяч. Боюсь, что не смогу заключить пари, пока не выясню, действительно ли ты платежеспособен.

Клайд рванулся из своего кресла. Я тут же подобрался для прыжка, но Нэнси сумела удержать брата. Она попыталась даже увести его, лопоча что-то насчет того, что им нужно спешить, но Клайд вырвался, оттолкнул ее и свирепо уставился на Пратта:

– Негодяй! Как вы смее сомневаться в слове Осгуда? Ну ладно, придется отобрать у вас деньги, раз они столько для вас значат! Поручительство отца вас устроит?

– Так ты и впрямь хочешь держать пари?

– Еще как!

– На десять тысяч долларов? В присутствии всех свидетелей?

– Да.

– По рукам. Если отец за тебя поручится, пари принято.

Клайд резко повернулся и, не прощаясь, зашагал прочь. Бронсон отставил стакан и последовал за приятелем. Нэнси чуть задержалась, чтобы вежливо попрощаться со всеми. Едва она исчезла из виду, Монт Макмиллан поднялся и обратился к Пратту:

– Я знаю этого молокососа сызмальства. Пойду-ка попробую уговорить его не делать глупостей. – И вышел следом.

– Тут пахнет какой-то грязной игрой, – задумчиво произнесла Лили Роуэн. Взглянув на меня, она похлопала по сиденью кресла, только что покинутого Джимми Праттом. – Идите сюда, Эскамильо. Сядьте и объясните мне, что нас ждет.

– Дело обстоит так, – начал я. – Какое-то время вы будете счастливы, потом, однажды, путешествуя под водой, натолкнетесь на лысого незнакомца, сидящего верхом на бурой водоросли. Вы, естественно, решите, что это Уильям Бибс², но он обратится к вам по-русски. Хотя русский вам неведом, вы подумаете, что поняли, о чем он толкует, а потом, к своему ужасу, убедитесь, что жестоко заблуждались. Дайте-ка другую ладонь для сравнения...

Тем временем Джимми Пратт страстно наставлял своего дядю:

– ...обозвал вас негодяем, и это сошло ему с рук! Да я готов был растерзать его! На вашем месте я бы так ему врезал!

– Ладно, Джимми, – примирительно сказал Пратт. – Ты бы не посмел поднять руку на Осгуда. Успокойся, мой мальчик. Кстати, уж коль ты так воинственно настроен, может быть, поможешь нам постеречь быка? Боюсь, что придется всю ночь глаз с него не спускать.

– Вообще-то, дядя... – замялся Джимми, – дело в том... Я уже говорил, что не одобряю вашей затеи... Такой бык... Как-никак чемпион...

– Так ты отказываешься?

– Я не хотел бы в этом участвовать, дядя Том.

– Что ж, ладно. Надеюсь, мы и сами справимся. Как считаете, мистер Вулф, имею я право съесть собственного быка?

Вулф пустился в пространные философские разглагольствования о писаных и неписаных законах, моральной ответственности и бычьей генеалогии. Слушатели его напыщенной и возвышенной речи уже начали недоумевать, что совсем недавно переживали из-за таких пустяков, как ссора Пратта с Осгудом, поглощение бифштексов или пари на десять тысяч долларов. Закончив монолог, Вулф обратился ко мне со следующим предложением: поскольку мы приняли любезное приглашение мистера Пратта отужинать с ним, нам не мешало бы переодеться, для чего следовало доставить из машины наши вещи. Джимми предложил было свои услуги, но Каролина настояла на своей кандидатуре, поскольку именно она подрядилась отвезти нас в Кроуфилд. С террасы мы ушли вместе, пересекли широкую лужайку, миновали кусты и цветочные клумбы и вышли по усыпанной гравием дорожке к гаражу, в котором стояла знакомая нам желтая машина по соседству с большим закрытым автомобилем. Увидев поодаль, под деревьями, свежую земляную насыпь и разбросанные кирки с лопатами, я остановился. Я заметил груды земли, еще когда нас везли к дому, но тогда не задумался о ее назначении.

– Это и есть яма для барбекю? – поинтересовался я.

² Бибс Чарльз Уильям (1877–1962) – американский натуралист и писатель. В 1934 г. спустился в батисфере на глубину 1 километр.

Каролина кивнула:

– Я лично считаю, что все это ужасно, но не могу придумать подходящей отговорки, чтобы отказаться от участия в этом пиршестве. Залезайте в машину.

Когда мы выехали на дорогу, я спросил:

– Конечно, это не мое дело, но привычка копаться в человеческих натурах делает мой вопрос непраздным: что все это значит – погоня за рекламой или попытка утереть нос Осгуду-старшему?

– Не знаю. Извините, меня сейчас другое беспокоит...

Я замолчал. Минуту спустя мы прибыли на место аварии. Каролина развернула машину перед останками нашей. Я выбрался наружу. Деревья и телеграфные столбы, озаренные последними лучами заходящего солнца, отбрасывали длинные тени на зеленый ковер пастбища. Вдалеке, на другом конце пастбища, я разглядел Монта Макмиллана, который внимательно смотрел в нашу сторону. Недалеко от валуна величественной поступью прогуливался бык, казавшийся еще крупнее, чем прежде. Теперь, когда мне ничего не угрожало, я готов был признать, что он красавец.

Перетащив два чемодана, оба саквояжа, опрыскиватель и корзины с орхидеями, я запер машину, мысленно распрощался с быком, которого в следующий раз мог увидеть лишь в виде бифштексов по цене четырехста пятьдесят долларов за порцию, и занял свое место возле мисс Пратт. Я по-прежнему не раскрывал рта, выжидая, пока к моей спутнице не вернется доброе расположение духа. Прошла целая минута, прежде чем Каролина повернула голову и заговорила:

– Хотите знать, о чем я думала? – (Я вежливо кивнул.) – О Лили Роуэн.

– Она называет меня Эскамильо. Повела, что завтра вы собираетесь на ярмарку, и пригласила отобедать с ней вдвоем.

– И что вы ответили?

– Вежливо отказал, поскольку не умею себя вести за столом. К тому же не люблю желающих угоститься за мой счет.

– Она не из таких, – фыркнула Каролина. – Лили сама оплатила бы чек. Она богата. Несметно. Быть может, даже миллионерша, точно не знаю. Но она вампир. Держите ухо востро.

– Она впивается в горло и пьет кровь?

– Понимайте, как знаете. Прежде разговоры об опасных женщинах я считала романтическими бреднями. Но Лили Роуэн и впрямь опасная женщина. Не будь она столь ленива, то погубила бы многих мужчин. Я могу назвать как минимум троих, кому она вскружила голову. Вы сегодня видели Клайда Осгуда. Он, конечно, не прирожденный аристократ, но человек вполне приличный. Ему двадцать шесть лет, как и мне. Многие поколения Осгудов владели этой землей, да и сейчас у них несколько тысяч акров. Окончив колледж, Клайд обосновался здесь и принял дела своего отца, который ударился в политику. Говорят, Клайд поначалу неплохо справлялся. Но два года назад во время поездки в Нью-Йорк он познакомился с Лили Роуэн. Видно, он ей приглянулся. Но она вовсе не впила ему в горло. Просто проглотила вместе с потрохами. А прошлой весной выплюнула. Согласна – это не пример изящной словесности, но можно ли изящно описать повадки жабы? С тех пор Клайд сюда не возвращался. Он слонялся по Нью-Йорку, то пытаясь ее увидеть, то, наоборот, пытаясь ее не увидеть. Не знаю, чего он сюда прикатил? Быть может, прослышал, что Лили здесь. – Она умолкла.

– Об этом вы и думали всю дорогу?

– Нет, это только вступление. – Она пристально посмотрела мне в глаза. – Вы ведь детектив, так?

– Угу. Двадцать четыре часа в сутки.

– И вы... можете хранить тайну?

– Конечно, если это тайна.

– Так вот, Лили Роуэн пытается завлечь моего брата Джимми.

– Ну и что? – Я удивленно приподнял брови.

– Я не хочу, чтобы она его окружила. Я надеялась на его здравый смысл, но, видимо, зря. К тому же я думала, что он влюблен в Нэнси Остуд. А месяц назад Лили начала его осаду. И Джимми... даже Джимми наверняка не устоит. Черт бы ее побрал! И как ей это удастся? Будь она проклята!

– Может, мне спросить у нее?

– Не смейтесь. Она погубит его.

– Я и не думал смеяться. Просто вы рассуждаете по-детски. Потом разве не вы сами ее пригласили?

– Я надеялась, что здесь, в провинции, он посмотрит на нее иными глазами и... одумается. Но я заблуждалась.

– Он уже поддается?

– Да.

Я поежился.

– Хотя я и считаюсь хорошим детективом, расследовать здесь нечего. Процесс вполне естественный, как сказал бы мой шеф, и его не остановить. Разве что отправить вашего братца в Австралию за шнурками для ботинок или перерезать Лили горло.

– С удовольствием бы сделала это. Я и впрямь готова убить ее. Но, может быть, найдется какой-нибудь выход. Вот о чем я думала. Она мне кое-что про вас сказала, пока вы были наверху. Это и натолкнуло меня на одну мысль...

– Что же она сказала?

– Не могу повторить.

– Что-нибудь... личное?

– И даже очень.

– Что же именно?

– Уверяю вас – не могу это повторить. Но если принять это во внимание, и еще кое-что, и приглашение пообедать с ней... Словом, я считаю, что вам вполне по плечу отвлечь ее от Джимми. Если, конечно, вы не станете очень стараться. Она привыкла сама играть первую скрипку. А вы ей нравитесь. Я поняла это еще тогда, когда она окрестила вас Эскамильо.

– Ну-ну, продолжайте.

– Это все. Разве только... Вы понимаете, я вовсе не хочу просить вас об одолжении. Пусть это будет деловым соглашением. Пришлите мне счет, и я оплачу его. Только если он окажется слишком велик, мне, возможно, придется выплачивать по частям.

– Понятно. Сперва я прикидываюсь ангелочком, потом жду, пока она погубит меня, после чего присылаю вам счет...

– Опять вы смеетесь. Клянусь вам, это не шутка. Я вполне серьезно. Так могу я рассчитывать на вас?

Я состроил гримасу и призадумался. Чтобы выгадать время, я достал пачку сигарет, угостил Каролину и, после того как она отказалась, закурил сам.

– Послушайте, – наконец сказал я, – я все же склонен считать это шуткой. Допустим, Лили и впрямь погубит его. Если он достоин того, чтобы оказаться в геенне огненной, то он непременно оттуда выберется. Женщина способна увезти мужчину в ад лишь тогда, когда мужчина уже обзавелся билетом до преисподней или по меньшей мере начал высматривать в расписании подходящий маршрут. Пусть вы решили меня нанять, чтобы избавить Джимми от кровопийцы Лили. Но я не вправе вести самостоятельное дело, так как состою на жалованье у Ниро Вулфа. Но если вы готовы на деловое соглашение, то так и быть: я пообедаю с ней завтра при условии, что вы оплатите счет. Сделка обойдется вам доллара в два, и я обязуюсь представить детальный отчет.

– Еще раз повторяю, это не шутка, – отрывисто сказала она. – Получите два доллара, как только мы вернемся. – С этими словами она нажала на стартер.

Конечно, не мешало бы передохнуть часок, оставшийся до ужина, но увы. Выгрузив корзины с орхидеями, я затащил их наверх, в ванную, потом сходил за чемоданами и наконец принес оба саквояжа. Войдя в комнату, я услышал в ванной шум, поставил саквояжи на пол и отправился выяснить, в чем дело. Оказалось, что Вулф, подняв крышки корзин, придирчиво осматривал, не требуют ли цветы немедленного полива. Я заметил, что, на мой взгляд, орхидеи выглядят превосходно, с чем Вулф спорить не стал. Затем я высказал мнение, что, поскольку наши рубашки и галстуки, равно как и туалетные принадлежности, находятся в чемоданах, саквояжи можно не распаковывать, хотя я не поленился их принести.

В ответ на это Вулф пробормотал, избегая моего взгляда:

– Я считаю, нам лучше распаковать вещи.

– Как, и саквояжи? – изумился я.

– Да.

– Вы хотите сказать, чтобы я вынул из них все вещи?

– Да.

– Чтобы после ужина запихнуть их обратно?

– Нет. Мы здесь переночуем.

Я уже почти придумал подходящую колкость по его адресу, поскольку, будучи методической натурой, люблю, чтобы все шло по плану, но сообразил, что в доме Пратта ночь пройдет куда спокойнее, чем в Кроуфилде, кишачем охотниками завладеть забронированным для нас номером. С другой стороны, я отдавал себе отчет, насколько невыгодно потакать самолюбию Вулфа, соглашаясь с ним, и потому молча воротился в спальню и принялся колдовать над чемоданами. Вскоре ввалился Вулф, снял пиджак и жилет, швырнул их на одну из кроватей и взялся расстегивать рубашку.

– Как вам удалось принудить Пратта оставить нас на ночь? – вкрадчиво спросил я. – Обворожили его, что ли?

– Я не принуждал его, – буркнул Вулф. – Мистер Пратт с радостью принял мое предложение.

– Вот как! – Я обернулся и уставился на него с охапкой носков и новых платков. – Вы сделали ему предложение?

– Да. Видишь, я с тобой полностью откровенен. Мне ничего не стоило сказать, что предложение исходило от мистера Пратта, но это было бы неправдой. Предложение сделал я. Учитывая затруднительное положение, в котором он оказался, было вполне естественно таким образом отблагодарить его за гостеприимство. Он сразу согласился и предложил условия, которые меня вполне устроили.

– Понимаю, – неуверенно сказал я, не выпуская из рук кучу барахла. – Что за условия, позвольте узнать?

– Не слишком выгодные, но и несложные. Мы должны наблюдать.

– Так я и думал. – Открыв ящик комода, я затолкал в него носки и платки и понаблюдал, как Вулф вылезает из рубашки, протестуяще трещащей по всем швам. – Я заподозрил неладное еще в тот миг, когда вы велели распаковывать саквояжи. Что ж, это будет новая роль. Смотритель пастбища. Телохранитель быка. Желаю вам доброй ночи – говорят, одиночество способствует крепкому сну.

– Не дерзи, Арчи! Конечно, такому непоседе, как ты, может показаться скучным...

– Скучным? – Я замахал руками. – Что вы! Скучать в полном одиночестве ночь напролет, поверяя свои сокровенные тайны звездам? Вы плохо меня знаете. Я буду задыхаться от счастья, сознавая, что мое бдение позволит вам наслаждаться сном в этой прекрасной постели... А потом рассвет! О, мистер Вулф, как я люблю рассвет!

– Не паясничай, Арчи! Ты не увидишь рассвет.

– Черта с два, не увижу! Разве что меня пристрелит Клайд? Или вздернет на рога Цезарь?

– Ни то ни другое. Все согласовано с мистером Праттом и с мистером Макмилланом.

Пока мы ужинаем, сторожить останется тот субъект, Дейв. В восемь тридцать заступаешь ты, а в час тебя сменит мистер Макмиллан. Дома ты тоже часто ложишься в такое время. Только не забудь постучать в дверь, когда придешь. Я не люблю, когда ко мне вламываются по ночам.

– Ладно, – проворчал я, снова полез в чемодан и извлек для Вулфа свежую рубашку. – Но будь я проклят, если стану таскаться с дробовиком! Улажу это с Макмилланом. Кстати, я тоже подрядился на одну работенку. Не слишком прибыльную. Мне заплатят гонорар в два доллара, но их поглотят расходы. Клиент – мисс Каролина Пратт.

– Вздор! – пробормотал Вулф.

– Вовсе нет. Она платит два доллара за то, чтобы я уберег ее братца от участи, которая страшнее смерти. Что за занятная профессия – детектив! Полночи нянчить быка, чтобы на следующий день за обедом пасть жертвой коварной блондинки. Смотрите-ка, пуговица оторвана – придется послать телеграмму Фрицу.

Глава 4

Звезды так и не узнали моих сокровенных тайн. Еще перед закатом стали сгущаться тучи, а к половине девятого наступила тьма, хоть глаз выколи. Вооружившись фонариком и набив желудок вкусной пищей, конечно не идущей в сравнение с кулинарными шедеврами Фрица Бреннера, но неизмеримо лучше той, что подают в праттериях, я покинул изысканное общество, когда принесли кофе, и отправился на вахту. Пробравшись напрямик через сад, я вскоре наткнулся на Дейва. Он примостился возле забора на перевернутом бочонке в обнимку с неизменным дробовиком.

– Все в порядке, – возвестил я, выключая фонарик, чтобы сберечь батарейки. – Ты небось уже не прочь пожевать чего-нибудь?

– Нет, – промямлил он. – Я не ем так поздно. Мне дали мяса с картошкой в шесть часов. Зато я плотно завтракаю. Брюхо меня будит – под утро я так хочу есть, что сон как рукой сгоняет.

– Очень интересно. А где бык?

– Я уже с полчаса его не видел. Последний раз был там, возле того валуна. Почему его не привязывают, ума не приложу.

– Пратт сказал, что в первую ночь быка привязали, но он так ревел, что не давал никому спать.

– И пусть бы себе ревел, – хмыкнул Дейв. – А кто не может спать из-за бычьего рева, должен держать не быков, а вуньеров.

– Кто такие вуньеры?

Дейв уже затопал прочь, но остановился, услышав мой вопрос.

– Вуньеры, мистер, это те же быки, но с хвостом вместо морды. – Он хрюкнул от удовольствия. – Теперь мы с вами квиты! Доброй ночи!

Решив поискать быка – это все же лучше, чем торчать на одном месте, – я побрел вдоль забора к воротам, через которые мы проехали, когда спасали Вулфа. Да, ночь и впрямь выдалась темная – ни зги не видно. Отойдя ярдов на тридцать, я посветил по сторонам, но Цезаря не обнаружил. Лишь миновав ворота, я наконец увидел его. Бык вовсе не лежал на траве, как мне мыслилось, но стоял в величавой позе, уставившись на луч фонарика. Он возвышался, как слон. Я крикнул ему: «Все в порядке, дружище, это я, Арчи, не волнуйся!» – и с этими словами повернул восвояси.

Я окончательно убедился, что Цезарь скорее начнет давать молоко, нежели позволит себя похитить. Однако, поскольку мне выпал жребий караулить до часа ночи, я счел за благо проявить бдительность на случай, если какому-нибудь балбесу взбредет сунуться на пастбище. Вывести быка можно только через ворота, резонно рассудил я, причем проще это проделать не здесь, а в отдаленном конце пастбища, где находились вторые ворота. Туда-то я и поплелся вдоль ограды. Внезапно мне пришло в голову, что куда проще пройти напрямик через пастбище. В такой темноте Цезарю вряд ли захочется снова поиграть со мной в пятнашки. И все же благоразумие одержало верх.

Я решил обойти пастбище вокруг. За садом, ярдах в двухстах, светили окна дома. Дойдя до угла забора, я завернул налево и не успел глазом моргнуть, как очутился в зарослях шиповника. Десять минут спустя я достиг знакомого поворота дороги и удостоверился, что наш седан по-прежнему подпирает дерево. Вот наконец и ворота. Я взгромоздился на забор и посветил на пастбище. Впрочем, до быка было слишком далеко, и я выключил фонарик.

Если долго живешь в деревне, то тебе должны быть знакомы все ночные звуки. Мне же все было внове, и каждый шорох вызывал естественное любопытство. Сверчков и кузнечиков я в расчет не беру, но, когда что-то шуршит в траве, дело уже другое. Вот зашелестела листва

на дереве, потом скрипнула ветка... Должно быть, сова или какой-то ночной зверек. Я решил не расходовать батарейку фонарика.

Так я просидел около получаса, когда послышался другой звук, уже со стороны нашей машины. Словно что-то тяжелое ударилось о нее. Я посветил фонариком и сначала ничего не заметил, но потом разглядел, что из-за капота торчит нечто, похожее на рукав. Я уже собрался подать голос, но передумал, погасил фонарик, соскочил с забора и пригнулся. Кто знает, вдруг гернзейская лига подослала парочку головорезов или Клайду Осгуду захотелось отведать острых ощущений? Как бы то ни было, я осторожно подкрался к машине, обогнул ее сзади, приблизился к капоту, наугад выбросил руку – и ухватился за чье-то плечо.

Раздался истошный визг, плечо дернулось, и послышался протестующий возглас:

– Ой, больно ведь!

Я разжал пальцы, включил фонарик и отступил.

– Только не уверяйте, что вас обуревают нежные чувства к Цезарю, – проворчал я.

Лили Роуэн – а это была она, в темном пледе, наброшенном поверх светлого платья, – встала, потирая плечо.

– Если бы не эта дурацкая машина, вы бы ни за что не заметили, что я здесь. Ох и напугала бы я вас!

– Злодейка! А зачем?

– Проклятье, как вы меня ущипнули!

– Я вообще зверь. Как вы сюда попали?

– Пешком. Вышла подышать. Не ожидала, что так темно... Думала, что глаза привыкнут к темноте. Зрение-то у меня как у кошки, но такого мрака и не припомню. Это ваше лицо? Стойте спокойно.

Она дотронулась до моей щеки. Сперва я решил, что Лили поцарапает меня в отместку, но прикосновение пальцев вышло нежным. Потом они стали перемещаться по моему лицу, и я отшатнулся:

– Не надо! Я боюсь щекотки.

Девушка расхохоталась:

– Я хотела убедиться, что это точно ваше лицо. Так вы пообедаете завтра со мной?

– Да.

– На самом деле? – В голосе прозвучало удивление.

– Разумеется. Точнее, вы пообедаете со мной. Почему бы и нет? Вы очень забавная. Почему бы не скоротать вдвоем немного времени, как с прелестной игрушкой, которую можно выкинуть, натешившись вдоволь. Ничего другого женщины для меня не значат, поскольку все мои помыслы и мечты сосредоточены на собственной карьере. Я собираюсь поступить в полицию.

– Бедные женщины! Значит, мы еще должны радоваться, когда вы снисходите до нас. Давайте залезем в машину и поболтаем немного.

– Она заперта, а ключа у меня нет. К тому же в сидячем положении я могу заснуть, а это не положено – быка стерегу. Так что вам лучше уйти. Я обещал держать ухо востро.

– Чушь! – Она обогнула крыло, как бы невзначай слегка коснувшись меня, и присела на подножку седана. – Дайте мне сигарету. Клайд Осгуд совсем потерял голову и поставил себя в глупое положение. И что может случиться с быком, если здесь всего двое ворот: одни возле самого дома, а вторые охраняете вы? К тому же ночью на пустынной дороге вы ничего не сделаете для своей карьеры. Идите же сюда и поиграйте в одну из ваших игрушек.

Я посветил в направлении ворот, ярдах в ста от нас, выключил фонарик и повернулся, собираясь присесть на подножку, но, не заметив в темноте кочку, потерял равновесие и плюхнулся прямо на девушку. Она отпрянула.

– Не так близко, – сказала она изменившимся голосом. – Меня даже в дрожь кинуло.

Я потянулся за сигаретами, ухмыляясь в темноте:

– Это тактика наскока. Приводит к быстрому успеху. Впрочем, она мне надоела, а ничего нового вы не придумаете. К тому же вы немного не рассчитали. Такая игра в кошки-мышки оправданна, лишь когда вы убеждены, что рыбка уже клюнула, а это совсем не так... – Я прервал свои разглагольствования, потому что Лили вскочила и зашагала прочь. – Обед отменяется! – выкрикнул я вдогонку. – Придется поискать другой предлог.

Она вернулась, села на подножку подальше от меня и провела кончиками пальцев по моему рукаву от плеча до локтя:

– Дайте мне сигарету, Эскамильо.

Я чиркнул спичкой, и она прикурила.

– Спасибо. Ну что ж, давайте знакомиться? Расскажите мне о себе.

– Что именно?

– Ну... например, о своей первой женщине.

– С удовольствием. Я плыл вверх по Амазонке на каноэ. Я был один, так как всю провизию от избытка чувств скормил крокодилам, а нанятые мной туземцы, которых я звал боями, сбежали в джунгли. Два месяца я питался только рыбой, но однажды огромный тарпон оборвал мою снасть, и я остался без средств к существованию. Умирая от голода, я упорно продвигался вверх по реке, пока на пятый день не наткнулся на маленький островок, на берегу которого стояла женщина восьми футов ростом. Это была амазонка. Я причалил к берегу, она подхватила меня на руки и отнесла в хижину, уверяя, что мне не хватает только женской ласки. Ничего съедобного на островке не оказалось. Мне оставалось только одно. Я установил ловушку и к заходу солнца уже варил амазонку в огромном котле, в котором она делала лимонное масло. Ох и наелся же я тогда! Незабываемое лакомство! Насколько я помню, она была моя первая женщина. С тех пор, конечно...

В этом месте Лили меня остановила и попросила рассказать о чем-нибудь ином. Мы выкурили еще по сигарете, и так, наверное, закончилось бы мое дежурство, если бы с пастбища не послышался внезапный шум. Словно упало что-то тяжелое – разобрать было трудно из-за стрекота сверчков и кузнечиков. Возможно, тревожиться было не из-за чего, но, вспомнив, что охраняемые мной ворота не единственный путь на пастбище, я решил расследовать. Я встал и заявил, что собираюсь обойти вокруг и выяснить, что случилось. Лили запротестовала, но я настоял на своем, и мы пошли вместе.

Она уцепилась за мою руку, чтобы, по ее словам, не спотыкаться. Я забыл о зарослях шиповника, и Лили, конечно, запуталась в них, так что мне пришлось останавливаться и извлекать ее оттуда. Завернув за угол ограды, мы оказались в саду, рядом с домом, и я сказал, что теперь справлюсь сам, но она заявила, что ей нравится мое общество. Быка я не обнаружил, но он, казалось, всегда находился на другом конце пастбища. Мы прошли весь сад и добрались до ворот, но Цезаря по-прежнему нигде не было видно. Я остановился, наострив уши, поскольку услышал впереди какой-то шорох, словно что-то волокли по земле. Я поспешил вперед, светя по сторонам фонариком. Лили чуть-чуть отстала. Сказать по правде, шорох меня встревожил, поэтому, заметив наконец быка ярдах в десяти от забора, я испытал заметное облегчение. В следующий миг я увидел, что бык стоит на голове, во всяком случае, так показалось при тусклом свете фонарика. Я припустил трусцой. Приблизившись почти вплотную, я разглядел, что бык что-то перекатывает по земле рогами. Присмотревшись, я едва не выронил фонарик... За спиной раздался испуганный возглас, а затем послышался хриплый шепот Лили:

– Это... это же... Боже, да остановите же его!

Возможно, тот, на земле, был еще жив, поэтому я не стал тратить времени на поиски людей, которые могли справиться с быком. Переложив фонарик в левую руку, я выпростал пистолет и стал осторожно приближаться к Цезарю. Сметнув, что он может броситься на свет, я отвел руку с фонариком подальше в сторону, направив луч прямо на морду быка. Но бык

не трогался с места. Я был уже в нескольких шагах, когда он поднял голову и заморгал. Я трижды выстрелил в небо. Бык взбрыкнул, резко развернулся и, дробно топоча, умчался прочь. Я мигом подскочил к расprostертому на траве телу и посветил фонариком. Одного взгляда было достаточно. Черта с два он жив, подумал я и вернулся к забору. Лили, несвязно лопоча, спрашивала меня о чем-то, и я прорычал:

– Это Клайд Осгуд. Мертвый. Убирайтесь отсюда или замолчите, не то...

Со стороны дома донеслись крики, и я завопил что было мочи:

– Сюда! Сюда!

Показались огни фонариков – один подпрыгивал на газоне, а второй быстро двигался вдоль забора. Минуту спустя на место происшествия прибыли четверо: Пратт, Джимми, Каролина и Макмиллан. Мне не пришлось ничего объяснять – фонарики у них были, оставалось посветить себе под ноги. Посмотрев один раз, Каролина отвернулась и больше не оборачивалась. Пратт привалился к забору, не в силах отвести взгляд. Джимми влез было на забор, но тут же спрыгнул назад.

– Вынесите его отсюда! – хрипло приказал Пратт. – Надо убрать его... Где Берт? Куда подевался этот чертов Берт?!

Макмиллан осмотрел тело и подошел ко мне.

– В кого вы стреляли? – спросил он. – Не в Цезаря, надеюсь? Где он?

Я ответил, что понятия не имею.

Из темноты вынырнул Берт с большим электрическим фонарем. Откуда-то возник Дейв с дробовиком и в комбинезоне поверх ночной рубашки. Макмиллан куда-то исчез, потом вернулся и сообщил, что бык цел и невредим и что не мешало бы его привязать, но веревки поблизости нет. Дейв вызвался сбегать за веревкой, а я пока залез на забор. Каролина задала какой-то вопрос, я не расслышал, но на всякий случай утвердительно кивнул.

Уже после того, как Дейв притащил веревку и Макмиллан доложил, что бык привязан, я вдруг обнаружил среди нас Ниро Вулфа. Знакомый голос окликнул меня. Я, не веря своим ушам, обернулся и увидел своего патрона в шляпе и с тростью.

– Тебе сейчас не нужен фонарик, – сказал он, протягивая руку. – Дай его мне.

– Как вы добрались сюда в темноте? – спросил я.

– Пешком. Я услышал выстрелы и подумал, не случилось ли что с тобой. Я подошел, когда мистер Макмиллан привязывал Цезаря к ограде. Он и рассказал мне, что произошло, – точнее, что вы обнаружили. Кстати, я вынужден вновь предупредить, чтобы ты сдерживал свои буйные профессиональные инстинкты. Не хотелось бы оказаться замешанным в это дело.

– При чем тут мои профессиональные инстинкты?

– Разве не понимаешь? Ничего, просто у тебя был шок. Когда придешь в себя, не забудь, что мы должны соблюдать осторожность. Так могу я воспользоваться фонариком?

Я отдал фонарик, и Вулф двинулся вдоль забора. Услышав, что Макмиллан подзывает меня на подмогу, я заставил себя вернуться на пастбище и на негнущихся ногах подошел к нему. Дейв притащил рулон брезента, Джимми с Макмилланом разостлали его на траве, а Пратт, Дейв и Берт стояли и наблюдали за ними. Берт, впрочем, светил им фонарем.

– Нам не следует?... – дрожащим голосом заговорил Пратт. – ...Может, еще не поздно... Вы уверены, что он мертв?

– Глаза у вас есть? Убедитесь сами, – ответил Макмиллан, расправляя брезент. – Помогите, Гудвин. Положим его на брезент и возьмем каждый за угол. Пойдем через ворота.

Я сглотнул комок в горле и взялся за угол брезента.

Брезент несли все, кроме Дейва, который поспешил вперед открыть ворота. Когда мы миновали привязанного быка, он повернул голову и проводил нас взглядом. За воротами мы опустили ношу на землю, поменяли руки и понесли дальше. Поднявшись на террасу, мы в нерешительности остановились, но появилась Каролина и повела нас в комнату с фортепи-

ано, в углу которой стоял диван, уже накрытый простынями. Мы опустили тело на диван не разворачивая и стояли, не глядя друг на друга.

– Ничего подобного прежде не видел, – сказал вдруг Дейв. Без дробовика он казался ниже ростом. – Господи, как же это случилось?

– Замолчи! – велел Пратт. Он выглядел вконец разбитым. – Надо позвонить... Мы должны уведомить Осгудов. И доктора. Надо обязательно вызвать доктора. Или нет?

Джимми взял его за руку:

– Успокойтесь, дядя Том. Вы не виноваты. Какого черта он забрался на пастбище? Выпейте чего-нибудь крепкого. Я сам всем позвоню.

Берт выскочил из комнаты, как только услышал слово «выпейте». Каролина куда-то пропала. Остальные переминались с ноги на ногу. Я оставил их и отправился наверх.

Ниро Вулф, уютно устроившись в кресле, читал при свете настольной лампы одну из захваченных нами книг. Зная мою поступь, он не поднял головы, когда я вошел, – точь-в-точь как у себя дома. Я прошел в ванную, снял рубашку, вымыл руки, плеснул холодной водой в лицо, оделся, вернулся в комнату и присел на край стула.

Вулф оторвался от чтения ровно настолько, чтобы сказать:

– Ты не собираешься спать? Тебе следовало бы прилечь. Надо расслабиться. Я скоро закончу. Уже одиннадцать.

– Знаю. Однако сейчас явится доктор выписывать свидетельство и наверняка захочет со мной поговорить. Я первый подоспел на место происшествия.

Вулф буркнул что-то нечленораздельное и снова уткнулся в книгу. Я остался сидеть, поглощенный мрачными мыслями. Не знаю, сколько это продолжалось, поскольку я пребывал в прострации, но, когда Вулф снова заговорил, я обнаружил, что бессознательно скребу ладонь левой руки пальцами правой, уставившись в пол.

– Ты должен знать, Арчи, что меня это раздражает. Как можно с таким бессмысленным видом тереть ладонь?

– Привыкнете со временем, – вызывающе ответил я.

Он дочитал до абзаца, загнул страницу, захлопнул книгу и вздохнул:

– Что это, проявление буйного нрава? Я понимаю, шок есть шок, но тебе случалось сталкиваться с насилием. Правда, при виде обезображенного трупа с каждым может...

– Труп здесь ни при чем. Читайте, я не буду вам мешать. Настроение у меня неважное, но к утру я очухаюсь. Вы упоминали мои профессиональные инстинкты. Не знаю, как насчет инстинктов, но профессиональная гордость у меня есть. Мне было поручено следить за быком, верно? А я сидел у дороги и курил, пока бык убивал человека.

– Ты охранял быка, а не человека. Бык не пострадал.

– Благодарю покорнейше. Фу! Когда еще случалось, чтобы я не справился с вашим поручением? Когда Арчи Гудвину вменяется в обязанность проследить, чтобы с быком ничего не случилось, то ничего не должно случиться. А вы мне говорите, что бык не пострадал, что он всего-навсего прикончил человека... Просто голова кругом идет. Как это называется?

– Софистика. Казуистика. Ignoratio elenchi³.

– Пусть так. Согласен и с тем, и с другим, и с третьим.

– Тебя довело до этого состояния чувство долга. Ты считаешь, что должен был предотвратить случившееся?

– Да. Я должен был проследить, чтобы ничего не случилось.

– Когда ты наконец научишься рассуждать корректно? – вздохнул Вулф. – Вот ты говоришь, я сказал тебе, что бык убил человека. Я этого вовсе не говорил. Я бы погрешил против истины. Мистер Осгуд, безусловно, был убит. Но не быком.

³ Ошибка в доказательстве, когда доказывается (опровергается) не то, что следует (лат.).

Я вытаращил глаза:

– Вы спятили! Я видел собственными глазами...

– Расскажи, что ты видел. Я не слышал от тебя никаких подробностей, но готов держать пари, что ты не видел, как бык подцепил живого Осгуда на рога. Я прав?

– Нет, видел. Когда я туда добрался, бык таскал его по земле. Словно играл. Я не знал тогда, кто это и жив ли он еще, поэтому перелез через забор и приблизился. Но когда я был футах в десяти...

– Ты подвергал себя ненужной опасности, – нахмурился Вулф. – Осгуд был уже мертв.

– Тогда я этого не знал. Я выстрелил в воздух, бык дал деру, и я получил возможность посмотреть, что случилось. Вы что, хотите высосать из пальца дело, потому что у нас сейчас нет клиентов?

– Нет. Я хочу только, чтобы ты прекратил скрести ладонь и дал мне возможность дочитать главу. Хочу также втолковать тебе, что мистер Осгуд погиб вовсе не из-за твоей халатности. Он погиб бы и так, вне зависимости от того, где ты находишься. Это не софистика. У тебя тысячи недостатков, но сегодняшний промах в счет не идет. И это вообще не промах. Ты должен был следить, чтобы быка не похитили. У тебя не было причин подозревать, что быку попытаются причинить вред, поскольку задача противника состояла, наоборот, в том, чтобы сохранить ему жизнь. Надеюсь, ты не станешь больше... – Он умолк, услышав шаги в коридоре.

В дверь постучали, и вошел Берт. Он обратился ко мне:

– Вас просят спуститься. Приехал мистер Осгуд. Он хочет с вами поговорить.

Я ответил, что сейчас приду. Когда Берт вышел, Вулф сказал:

– Можешь ограничиться существом дела. То, что ты навязчиво чесал руку, а я пытался этому воспрепятствовать, пусть останется между нами.

Ответив, что разделяю его мнение, я оставил его наслаждаться книгой.

Глава 5

Пратт стоял у подножия лестницы, засунув руки в карманы и крепко стиснув зубы. Он кивнул и провел меня в гостиную. Там в кресле сидел длинноногий джентльмен, то и дело покусывающий губы. Не дожидаясь, пока Пратт представит нас друг другу, сей достойный муж рявкнул:

– Так это вы Гудвин?

Сразу видно – привык командовать. Таких я на вечеринки не зову. Но я взял себя в руки и спокойно ответил:

– Угу. Арчи Гудвин, собственной персоной.

– Вы отогнали быка и стреляли?

– Да, доктор.

– Я не доктор! Я Фредерик Осгуд. Моего сына убили. Единственного сына.

– Извините, я почему-то решил, что вы доктор.

Пратт, наблюдавший за этой сценой, не вынимая рук из карманов, решил вмешаться:

– Доктор еще не приехал. А мистер Осгуд живет по соседству, поэтому успел раньше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.